

УДК 811.511.131

С.А. Максимов

НЕЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПОНЯТИЙ В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ПОНЯТИЙ: НА ПРИМЕРЕ УДМУРТСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

В работе на основе контрастивного анализа удмуртских и русских понятий показано несоответствие «эквивалентных» слов в разных языках, которые обычно отождествляются в двуязычных словарях и осваиваются людьми в процессе обучения языкам. Неэквивалентность понятий в разных языках естественна и закономерна, поскольку различны наши образы жизни, мировоззрения, традиции, которые определяют национальную культуру в широком смысле слова. Тем не менее под влиянием доминирующего языка и культуры происходит интерференция понятий в национальном языке: понятийная система постепенно перестраивается, даже если не происходит заимствования языкового символа (слова). Ярким примером подобной нивелировки может послужить замена инклюзивного личного местоимения *асьмеос* 'мы с тобой; мы с вами' в речи молодого поколения удмуртов эксклюзивным местоимением *ми* 'мы (без тебя, без вас)'.

Ключевые слова: удмуртский язык, русский язык, понятие, неэквивалентность понятий, интерференция понятий.

Язык – самое ценное наследие, которое досталось нам от предшествующих поколений. Как известно, он состоит из разных уровней – фонемного, морфемного, лексического, синтаксического. Поскольку наша исследовательская деятельность преимущественно связана с лексикологией и лексикографией, мы в первую очередь имеем дело с лексическим уровнем языка, со словарным составом. Одним из наиболее важных моментов при изучении слова являются вопросы его семантики. «Этот аспект рассматривает смысловое значение слова, устанавливая связь между предметом (денотатом) и понятием (сигнификатом)» [22. С. 71].

В практике составления двуязычных словарей перед лексикографом всегда стоит проблема подбора лексемы (или ее значению) одного языка лексического эквивалента другого языка. При этом за лексемой и ее значением часто стоит понятие, которое может далеко не всегда совпадать с понятием другого языка. Такая проблема стояла перед нами как при составлении удмуртско-русского, русско-удмуртского словаря, так и при работе над удмуртско-финским и финско-удмуртским словарями [9; 32; 34].

В действительности же описанная проблема при составлении двуязычных словарей, можно сказать, является всеобщей, ибо понятия одного языка далеко не всегда эквивалентны понятиям другого языка. В подтверждение наших слов приведем следующую цитату: «Эквивалентность, да еще и полная, может существовать иногда только на уровне реального мира. Понятия же об одних и тех же, то есть эквивалентных, предметах и явлениях действительности в разных языках различны, потому что строятся на разных представлениях в национально отличных сознаниях. <...> Социокультурный фактор, то есть те социокультурные структуры, которые лежат в основе структур языковых, окончательно подрывает идею “эквивалентности” слов разных языков, совпадающих по значению, то есть по соотношенности с эквивалентными предметами и явлениями окружающего мира» [25].

Далее, сравнивая материал русского и английского языков, автор отмечает: «Действительно, “эквивалентные” слова различны и по объему семантики (дом шире по значению, чем house, так как включает и home, и building, и block of flats, и condominium, и mansion), и по употреблению в речи (ср. дом в русском адресе и отсутствие слов с данным значением в английском адресе), и по стилистическим коннотациям (ср. зеленые глаза и green eyes), и по возможностям лексической сочетаемости (ср. крепкий чай и strong tea)». [Там же].

В настоящем исследовании важно правильно понимать термины *понятие* и *значение*, получившие в научной литературе широкую трактовку. Ниже приведем те определения, которые, с одной стороны, относительно просты для понимания, с другой – ближе к нашим представлениям об этих терминах.

По одной из версий, «*понятие* определяется как мысль, которая в обобщенной форме отражает предметы и явления путем фиксации их свойств, признаков и отношений» [3. С. 118; см. тж.: 22. С. 77; 5. С. 383–384; 12. С. 61–62]. Под *лексическим значением слова* понимают «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т. д.» [5. С. 261; см. также: 22. С. 77; 12. С. 61–64]. Иными словами: «Содержание, свойственное только данному слову в отличие от всех других слов, называют *лексическим значением*» [3. С. 113].

В связи с поднятой проблемой в настоящем исследовании ставим следующую цель: на основе сравнения удмуртских понятий с соответствующими русскими выявить различия «эквивалентных» понятий, а также проследить их интерференцию и развитие содержания. Для достижения указанной цели мы выбрали понятийные единицы, у которых достаточно четко проявляется своеобразие, при этом в их число вошли не только существительные, но и глаголы и даже местоимение.

1. Понятие «кенос». *Кенос* считается уникальной архитектурной постройкой удмуртов; дается следующее энциклопедическое толкование: *кенос* – <...> амбар, летнее жилище и хранилище имущества удмуртов, выразительная надворная постройка. Известен с 6 в. н. э. Обычно двухэтаж. с двухскатной дощатой крышей, без окон, неотапливаемый. <...>» [31].

Для лучшего ознакомления с исследуемым объектом приведем фрагмент одного из этнографических описаний: «Конструкция кеноса имела удлиненную форму, тесовую двухскатную крышу, галерею с фасадной стороны, которая настилась на выпуски бревен боковых стен и поддерживалась резными колоннами-столбами. На галерею вела внешняя лестница, поднимались по которой на второй этаж. Первый этаж служил кладовой-амбаром, второй – спальней. Небольшое волоковое окно устраивалось для освещения второго этажа кеноса» [37].

Чаще можно встретить информацию о том, что двухэтажные кеносы характерны для северных удмуртов, но ранее, видимо, такие постройки были распространены гораздо шире, в частности, они до сих пор сохранились у завятских (шошминских и кукморских) удмуртов, где эти постройки называются *кенаc*.

Из описания кеносов закамских удмуртов можно узнать, что у данной локальной группы удмуртов было их два типа, но двухэтажные не встречались [19. С. 71–73].

Следует особо подчеркнуть, что у бесермян имелись постройки, названия которых включали компонент *кэнос / кэнэс*: *вэй кис'кан кэнос* 'амбар, куда льют масло', *тичи кэнос* 'маленький амбар', *кўала кэнэс* 'амбар в виде куалы'. Они функционировали и отчасти продолжают функционировать в качестве семейно-родовых святилищ [13. С. 115; 14. С. 79]. Названиями *кўала / кўа* и *кэнэс* «бесермяне обозначали небольшие хозяйственные сооружения, в том числе амбары и погребя, имеющие простую конструкцию: невысокий сруб, земляной пол, кровлю без потолочного настила» [13. С. 116].

В исследованиях по архитектуре удмуртов можно встретить указания на то, что кенос является одной из самых древних архитектурных построек и обнаруживает схожесть с аналогичными постройками скандинавских народов [29. С. 112–113]. Имея в достаточной степени осведомленность в финской культуре, можем сказать, что двухэтажное *aitta* действительно имеет большое сходство с удмуртским кеносом [см. об этом, а также о кеносе в целом: 6].

Слово *кенос*, которым обозначается описываемая постройка, относится к этнографическим терминам, которые, пожалуй, больше всего доставляют трудности при составлении лексикографических работ. Ниже совершим краткий обзор переводов исследуемого слова в основных словарях прошлого и текущего века, представляющих удмуртский язык:

(1932): *кенаc* кр. юж., *кенос* общ. 'клеть, чум' [2. С. 128];

(1948): 'амбар'; *пызь кенос* 'амбар; склад для муки, зерна'; *кўлан кенос* 'летний амбар' [26. С. 130];

(1983): 'амбар, клеть'; *азь кенос* 'клеть для одежды'; *дйсь кенос* 'амбар для хранения одежды'; *кўлан (изён) кенос* 'клеть, амбар; летняя спальня' [27. С. 193];

(1995): 'кенос; амбар' [9. С. 70];

(2008a): 'амбар, клеть' [28. С. 293];

(2008b): 'aitta' [32. С. 195]; *aitta* 'амбар' [35. С. 24]; *aitta* 'в сельской местности: складская или иного рода хозяйственная постройка, которая находится отдельно от главного строения'. *Nukkua kesäisin aitassa* 'спать летом (= каждое лето. – С.М.) в клети' [33. С. 21];

(2013): *кенэс /kenes/* 'амбар' [20. С. 205].

Из приведенных данных видно, что Т. Борисов перевел *кенос* как 'клеть, чум', при этом под словом *чум*, видимо, подразумевал не примитивное жилье человека, а хозяйственную постройку в современном удмуртском понимании, что отражено на соответствующей странице словаря – *чум* 'клеть' (там хранят одежду и спят летом) [2. С. 324]. В последующих словарях *кенос* отождествляется с амбаром или же с амбаром или/и клетью. В удмуртско-финском словаре это слово мы перевели лексемой *aitta*, поскольку, как было сказано выше, удмуртская и финская постройки в «классическом» варианте на самом деле весьма сходны между собой и по архитектуре, и по функциональному назначению. Но финско-русские словари слово *aitta* передают только как 'амбар'.

Для выявления соответствия удмуртского понятия его переводам необходимо рассмотрение толкования каждого из слов-соответствий. Для этого воспользуемся электронным ресурсом «Общий толковый словарь русского языка», который объединяет наиболее известные толковые словари русского языка.

Значения слова *клеть*:

1) по словарю Даля: холодная половина избы, через сени; под нею подклеть; или омшеник, отдельная избушка для поклажи, без печи; чулан, амбар, кладовая; летом спят в клетях, там же устраивают новобрачных;

2) по словарю Ушакова: (обл.) Отдельная нежилая постройка для хранения имущества. || Кладовая при избе;

3) по Ожегову: 1. Кладовая при избе или в отдельной постройке (обл.) 2. Основная часть прокатного стана (спец.) 3. Подъемное устройство в шахте;

4) по Ефремовой: 1. Особое помещение для хранения имущества при избе или отдельно от нее; кладовая. 2. Четырехугольный бревенчатый сруб. 3. Подъемное устройство в шахтах [38].

В Словаре русских народных говоров у слова *клеть* выделено 14 значений: 1. Изба, жилой деревянный дом || Задняя летняя изба, пристроенная к зимней, с общими сенями и двором. 2. Сруб. 3. Комната в доме <...> 5. Летняя спальня в кладовой, чулане, амбаре или на сеновале, холодной летней комнате <...> 8. Сарай для сена, соломы и т. п. 9. Постройка для хранения зерна, амбар 10. Погреб. 11. Хлев; и т. д. [21. С. 287-289].

Приведем еще толкование пары терминов, необходимых для более полного понимания содержания исследуемого понятия, из специальной работы А.В. Никитиной: *клеть* – (устар.) кладовая при избе (чулан) или в отдельной постройке; *подклет* – нижний этаж деревянного дома, служащий для хранения чего-либо или жилья [10. С. 324, 330].

Лексеме *амбар* в разных словарях дается практически одно и то же толкование:

1) по Ожегову: Строение для хранения зерна, муки, припасов, а также товаров;

2) по Ефремовой: Неотапливаемое строение для хранения зерна, муки и т. п. [38].

По изложенному материалу можно заключить, что понятие «кенос» у разных локальных групп удмуртов и бесермян может не совпадать по своему содержанию. С другой стороны, у понятия «клеть» в русском языке еще больше территориальных различий. В связи с этим является очевидным, что отождествление названных удмуртского и русского понятий является ошибочным, соответственно, безоговорочный перевод слова *кенос* словами *клеть*, *амбар* не вполне уместен. Удмуртское строение *кенос* в «классическом» варианте, является сочетанием клетки – *выльсь (выль)* *кенос* – второй этаж и подклета / амбара – *ульсь (уль)* *кенос*. В целом данная конструкция близка к одному из определений слова *клеть* в словаре Даля. Однако современные словари и другие издания названное значение отмечают как узко локальное и устарелое. Возможно, по указанной причине удмуртско-русские словари слово *кенос* в первую очередь переводят как *амбар*. Этим же словом удмурты представляют кеносы приезжему городскому населению, в том числе и бабушки своим внукам, для которых «амбары» (< кеносы) часто становятся на все лето излюбленным местом обитания.

В словаре 1995 г. (см. выше) мы постарались в какой-то степени подчеркнуть своеобразие исследуемой постройки и перевели слово *кенос* как ‘кенос; амбар’. Учитывая наличие различий у разных типов исследуемой реалии, можно выделить, по крайней мере, три значения этого слова:

кенос 1. кенос (*неотапливаемая изба для хранения одежды и некоторых других вещей, используемая также как летняя спальня; в двухэтажных строениях первый этаж служит в функции амбара и кладовой*), клеть обл. устар.;

2. амбар; кладовая; *пызь кенос* амбар для хранения муки; *ю тысь возён кенос* амбар для хранения зерна;

3. диал.: *вй киськан кенос, куала кенос, пичи кенос* семейно-родовое святилище бесермян.

2. Термины родства

Рассмотрим несколько терминов родства, таких как *брат*, *сестра* и *бабушка*. В удмуртском языке им соответствуют по два понятия. Соответствия первых двух противопоставлены по признаку «младший – старший», а понятие «бабушка» подразделяется по линии родства на бабушку по отцовской линии и на бабушку по материнской линии.

а. Понятию «*брат*» в словарях даны следующие соответствия:

(1942): *брат* ‘брат, агай (старший брат), вын (младший брат)’ [16. С. 19];

(1956): *брат* ‘брат; вын (*младший*); агай, нюня (*старший*)’ [17. С. 61];

(2012): *брат* ‘(*младший*) вын; (*старший*) агай’ [7. С. 351];

(2013): *брат* ‘(*младший*) вын // эне^{*}; (*старший*) агай, нюня // абый, абзый’ [8. С. 39].

Таким образом, исследуемому понятию в удмуртском языке соответствует два понятия. Изобразим вербальное выражение понятия «брат» в основных диалектных группах и тенденцию развития соответствий:

	юж.	сев.			
старший брат	<i>агай</i>	<i>нюня</i>	→	(зöкез) <i>брат</i>	→ <i>брат</i> → <i>брат</i>
младший брат	<i>вын</i>	<i>вын</i>	→	<i>вын</i> ~ <i>пичиез брат</i>	→ <i>брат</i>

б. Понятие «*сестра*» в словарях раскрывается следующим образом:

(1942): *сестра* 1. ‘апай, апа, ака, атя (старшая сестра)’ 2. ‘сузэр (младшая сестра)’ [16. С. 342];

(1956): *сестра* ‘сузэр (*младшая*); апа, апай (*старшая*)’ [17. С. 1001];

(2012): *сестра* ‘(*младшая*) сузэр; (*старшая*) апа(й)’ [7. С. 413];

(2013): *сестра* ‘(*старшая*) апай // апа; (*младшая*) сузэр // сеңел’ [8. С. 425].

Выражение понятия «сестра» в основных диалектных группах и тенденцию его развития можно представить следующим образом:

	юж.	сев.			
старшая сестра	<i>апай</i>	<i>атя / ака</i>	→	(зöкез) <i>сестра</i>	→ <i>сестра</i> → <i>сестра</i>
младшая сестра	<i>сузэр</i>	<i>сузэр</i>	→	<i>сузэр</i> ~ <i>пичиез сестра</i>	→ <i>сестра</i>

Как и в предыдущем случае, данному понятию в удмуртском языке соответствует два эквивалента, которые с понятием «брат» имеют аналогичные тенденции развития. Поскольку термины для обозначения старшего брата и старшей сестры в основном заимствованы из тюркских языков, ср.: *агай* южн., сред., пю., к. ‘брат, дядя, дядюша (обращение брата или сестры к своему старшему брату, обращение к старшим мужчинам)’ < тат.; *ака, акы, ак* сред. ‘старшая сестра’ < чув.; *апай, апыкай* южн. пю., к. *апа* сред. ‘старшая сестра, слово-обращение к старшим девушкам’ < тат. [24. С. 27, 30, 34], – в которых имеется противопоставление исследуемых терминов по критерию «младший – старший», считаем, что подобная система в удмуртском языке также развилась под влиянием тюркских языков. В настоящее время наметилась тенденция формирования понятий «брат» и «сестра», аналогичных русским понятиям, при этом в северном наречии, а также в северной диалектной зоне этот процесс уже практически завершился.

в. Понятие «*бабушка*» как термин родства в русско-удмуртских словарях передано следующим образом:

(1942): *бабушка* ‘пересь апай, песянай, баба, бабушка’ [16. С. 5];

(1956): *бабушка* ‘пересь апай (нэнэ), песянай (*по отцу*); чужанай, чужнэнэ, чужмумы (*по матери*)’ [17. С. 31];

(2012): *бабушка* ‘(*по отцу*) песянай, пересь апай, пересь нэнэ; (*по матери*) чужанай, чужмумы, чужнэнэ, чужмама’ [7. С. 349].

В словаре 1942 г. слово *бабушка* переведено только словами, обозначающими бабушку по отцу: составители словаря термины для обозначения бабушки по матери, по-видимому, соотносили с иным понятием. Соответствия исследуемому понятию в удмуртских диалектах представим в следующем виде:

	юж.	сред.	сев.
бабушка по отцу	<i>пересь апай, песянай</i>	<i>пересь мей / пересь нэнэ(й)</i>	<i>баба</i>
бабушка по матери	<i>чужанай</i>	<i>чужмей / чужнэнэ(й)</i>	<i>чужмумы / чужмама</i>

* За двумя косыми чертами (//) – здесь и далее даны татарские соответствия.

В удмуртском языке названия бабушки и дедушки по отцовской линии противопоставлены соответствующим понятиям по материнской линии, что нашло отражение и в плане выражения. Понятие «бабушка по отцу» в целом образуется по модели «старый + мать», а «дедушка по отцу» – по модели «старый + отец». Названия бабушки и дедушки по материнской линии, как и многие другие термины со стороны матери, содержат препозитивный элемент *муж-* **«дядя, дед по матери, ближайшие родственники по линии матери»: бабушка по матери – по модели «муж- + мать», а дедушка по матери – «муж- + отец».*

Противопоставление названий бабушки и дедушки по линии отца и матери наблюдается и в других языках народов Поволжья и Приуралья. Так, в близкородственном коми языке бабушка по отцу передается словами *пӧрысь мам* (букв. ‘старая мать’), *пӧч, пӧч мам* (букв. ‘бабушка по отцу + мать’), *баб, бабушка*, а бабушка по матери – *пӧли-мам* (букв. ‘дедушка + мать’), *ыджыд мам* (букв. ‘большая мать’) [23. С. 217; 1. С. 26].

В контактирующих с удмуртским тюркских языках также имеется противопоставление описываемых терминов по отцовской и материнской линии. Наиболее отчетливо это проявляется в чувашском языке, в котором бабушка по отцу передается словами *асанне, асланай* (букв. ‘старший’ + ‘мать’), *мамак*, а бабушка по матери – *кукамай* (*кук-* + *амай* ‘мать’) [18. С. 24, 127; 30. С. 302]. Что касается татарского языка, то в литературном языке ныне названное противопоставление отсутствует, ср. тат. *эби, дәү эни* ‘бабушка’, *бабай, бабакай, дәү эти* ‘дедушка’ [15. С. 28, 139].

Можно сделать предположение, что противопоставление названий родственников по отцовской и материнской линии в финно-угорских языках Поволжья и Приуралья возникло под влиянием тюркских языков и в первую очередь болгарского. Названная особенность наиболее отчетливо наблюдается именно в удмуртском языке, в котором, как уже было сказано выше, названия родственников по материнской линии образуются с помощью препозиты *муж-*, что весьма напоминает чувашскую модель.

В северном наречии два понятия – «бабушка по отцу» и «бабушка по матери» – в сознании молодого и среднего поколения в настоящее время слились в одном понятии «бабушка», которое обозначается словом *баба*, первоначально служившим для называния только бабушки по отцовской линии. Аналогичный процесс, причем еще раньше, чем в северном наречии, произошел в срединных говорах, где понятие «бабушка» выражается терминами *пересь мемей / пересь нэнэ(й) / пересь ноной* (букв. ‘старая мама’). В речи молодого поколения для обозначения бабушек ныне в целом употребляется только второй компонент приведенных терминов, поскольку маму называют новейшим русским проникновением – *мама*.

3. Понятие «бояться». По словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, основное значение – ‘испытывать страх, боязнь’ [11. С. 56]. В удмуртском языке соответствует несколько понятий, которые, с точки зрения русского языка, можно рассматривать как частные понятия:

(1942): *бояться* ‘кышканы, кӧшкеманы, курданы’ [16. С. 19];

(1956): *бояться* ‘кышканы, курданы, кӧбераны, шурдыны (*пространства*); кӧшкеманы (*чего-л. сверхъестественного*)’ [17. С. 61];

(1995): *бояться* ‘кышканы, курданы; (*темноты, сверхъестественных сил*) кӧшкеманы; (*высоты*) шурдыны’ [9. С. 182];

(2012): *бояться* ‘кышканы, курданы; (*напр. темноты*) кӧшкеманы; (*высоты*) шурдыны’ [7. С. 351].

В речи молодого поколения в настоящее время во всех случаях употребляется только глагол *кышканы* или *курданы*. Последний является диалектным дублетом первого и так же, как и первый глагол, выражает понятие «бояться (вообще)». В этом можно видеть интерференцию удмуртских и русского понятий, хотя нужно отметить, что, с изменением хозяйственной, общественной и других условий жизни, сама микросистема понятий стала изменяться по внутренним причинам. В частности, понятие «бояться / не бояться высоты», по-видимому, было весьма актуально в связи с охотничьими промыслами и бортничеством, которые в настоящее время сошли к нулю или (охота) не имеют больше хозяйственного значения.

4. Понятие «быгатыны», ядерное значение – ‘мочь’. Развитие содержания данного понятия можно проследить по словарям:

(1892, 1894): *biġatīnī, biġatīnj* ‘können, vermögen, imstande sein; мочь, смочь, быть в состоянии’; [36. С. 23];

(1932): *быгатыны* ‘суметь, осилить, уметь, мочь’; [2. С. 34];

(1948): *быгатыны* ‘уметь, мочь’; [26. С. 34];

(1983, 2008): *быгатыны* ‘уметь, суметь, мочь, смочь; добиваться, добиться; достигать, достигнуть; *котьма лэсьтыны быгатэ* [он] всё умеет делать, мастер на все руки’; *быгатыса* ‘умело; дельно, по-деловому’; *быгатэм* ‘сноровка, умение, способность’; *быгатонлык* 1. ‘умение, способность, дар’ 2. ‘возможность’ [27. С. 60; 28. С. 88].

Уточним также значения русского слова *мочь*.

Значения слова *мочь*:

1) по Ефремовой: 1. Обладать способностью, силами что-л. делать; быть в состоянии 2. Иметь возможность делать что-л.;

2) по Ушакову: 1. Обладать способностью, силами что-н. делать, быть в состоянии. *Он может поднять 100 кг. Он Всё может.* 2. 3 л. ед. ч. наст. вр. *может* употр. в том же знач., что «может быть». | *может быть* и *быть может* (книжн.) вводное слово, как может случиться, как можно думать, возможно. *Любовь еще, быть может, в моей душе угасла не совсем* (Пушкин) [38].

Если сравнить приведенные понятия, то можно сказать, что ранее удм. *быгатыны* соответствовало основному структурному компоненту сигнификата «мочь», иначе говоря, понятию «обладать способностью, силами что-л. делать; быть в состоянии». В годы советской власти у удмуртского слова из семемы ‘обладать способностью’ развилось значение ‘уметь, суметь, иметь способности’, что особенно ярко выступает в производных слова (см. выше), хотя такое значение у русского слова отсутствует. Расширение значения в данном случае было обусловлено потребностями общественной жизни. Более того, исследуемому слову лексикографами была причислена семема ‘добиваться, добиться; достигать, достигнуть’, поскольку, кажется, в удмуртском языке нет иного, более подходящего слова для выражения названного понятия.

Но в словарях, представляющих удмуртский язык, не указывается значение, которое присутствует у русского глагола – ‘иметь возможность делать что-л.’ Например: *Їуказе быгатоды-а куное лыктыны?* – ‘Завтра сможете ли в гости прийти?’ Речь здесь, безусловно, не о том, в состоянии ли приглашаемые будут завтра, а имеют ли возможность. Подобные высказывания ранее больше выражались конструкциями с глаголом *луыны* ‘быть; стать’, ‘мочь, иметь возможность’: *Їуказе куное лыктэмды луоз-а?* ‘Завтра в гости прийти сможете ли?’. Можно заметить, что в данном случае снова активно происходит интерференция удмуртского и русского языков, при этом, с нашей точки зрения, приобретение словом *быгатыны* упомянутого значения (расширение его функции) является естественным.

Последняя тенденция развития слова *быгатыны* такова, что с его помощью стали выражать второе значение, вернее, даже функцию, слова *мочь* по словарю Ушакова – ‘может быть’ / ‘быть может’. В указанном словаре это значение отмечается как книжное. В удмуртском же языке аналог можно услышать в первую очередь в СМИ, например: *Їуказе зор луыны быгатоз.* ‘Завтра возможен дождь’ (букв. ‘Завтра дождь быть может’).

Нам представляется, что подобные конструкции являются неестественными. Раньше они передавались путем включения в оборот речи модальных слов *оло*, *дыр* ‘может (быть), наверно’, которые, с точки зрения современного дискурса, по-видимому, стилистически принижают речь.

Таким образом, удмуртское понятие «быгатыны» развивалось под воздействием русского понятия «мочь», которое является многоуровневым, в результате чего исследуемое слово приобрело практически все значения русского глагола. Но, кроме этого, удмуртское слово развивалось под воздействием других слов и понятий русского языка, а также развивая внутренний потенциал, в результате чего полного эквивалента у данного удмуртского слова в русском языке так и не появилось.

5. Понятие «асьмеос» связано с местоимениями, которые, как известно, не обозначают самого предмета, его качества и т. д., а только указывают на них. Тем не менее нам хотелось бы обратить внимание на приведенное понятие, которое типологически в языках мира встречается довольно редко, а потому в удмуртском языке до настоящего момента учеными «не замечалось», хотя во всех грамматиках удмуртского языка описывается усилительно-личное местоимение *асьмеос* ‘мы сами’, от которого происходит исследуемое личное местоимение.

асьмеос – инклюзивное личное местоимение 1 л. мн. ч.; слушатель (*ты*) / группа слушателя (*вы* = *ты* + *он*¹...) включается в группу говорящего (*я*):

асьмеос 1) = я + **ты**

— рус. **мы** ‘мы с тобой’

2) = я + **ты** + *он*¹ (+ *он*² + *он*³...)

— рус. **мы** ‘мы с вами’

ми – эксклюзивное личное местоимение 1 л. мн. ч.; слушатель (*ты*) / группа слушателя (*вы* = *ты* + *он*¹...) не включается в группу говорящего (*я*):

$ми$ 1) = я + он^A (+ он^B + он^B...) ↔* $ты$ — рус. **мы** ‘мы с ним / с ними (но без тебя)’
 2) = я + он^A (+ он^B + он^B...) ↔ $ты + он^1$ (+ он² + он³...) — рус. **мы** ‘мы с ним / с ними (но без вас)’.

Для содержания местоимения *ми* релевантным является не то, сколько членов третьего лица входит в группу говорящего, а то, что в эту группу не входит слушатель или группа слушателя. Описываемое местоимение кратко можно выразить следующим образом: *ми* = я + он / они.

В качестве примера можно привести название рекламного буклета об удмуртах, выпущенный В. Е. Владыкиным для туристов и в целом для гостей республики: «*Зечесь-а? Ми – удмуртьёс*» – «Здравствуйте, мы – удмурты» (в названии отражено обращение к не-удмуртам). Для сравнения: *Асьмеос удмуртьёс*. ‘Мы (с вами) удмурты’. – можно сказать только при обращении к удмуртам. В настоящее время под влиянием русского языка идет тенденция замещения слова *асьмеос* в функции личного местоимения местоимением *ми*.

6. Исследования показывают, что понятия удмуртского языка далеко не эквивалентны понятиям другого языка / других языков, с которыми их отождествляют. Следует сказать, что такое неравенство существует не только в отношении русского языка, с которым производилось сравнение. Из лексикографического опыта нам известно, что аналогичным образом дело обстоит и в отношении родственных коми и финского языков. Соседние тюркские языки в свое время оказали мощное влияние на все уровни удмуртского языка, что нашло отражение в многочисленных научных публикациях. С нашей стороны следует сказать, что многие понятия удмуртского языка также подстроились под систему понятий татарского и чувашского языков.

В настоящей работе было также показано, как происходит интерференция понятий удмуртского и русского языков. Как правило, под влиянием русского слова, которое воспринимается как эквивалент какого-либо удмуртского слова, последний начинает приобретать значения, отсутствующие у него. В тоже время, если русское понятие шире, чем удмуртские соответствия, и одному русскому слову соответствует два или более понятия в удмуртском языке, то такие понятия нивелируются: остается одно понятие, в качестве символа которого выступает слово с наиболее широким значением (*кышканы*) или же русская заимствованная лексема (*брат, сестра, баба*).

В ходе исследования были специально подобраны такие понятия, у которых отсутствие тождественности легко обнаруживается при сравнении с «эквивалентом» другого языка. Все же, с нашей точки зрения, в языках, особенно соседствующих, весьма значительное количество понятий, которые можно хотя бы условно назвать «эквивалентами». В отношении удмуртского и русского языков точного ответа дать невозможно, поскольку такие исследования попросту отсутствуют. Для уточнения наших мыслей нам бы хотелось привести следующую цитату: «Но даже в тех редких случаях, когда все эти собственно языковые моменты совпали в разных языках, не следует забывать о ВНЕЯЗЫКОВЫХ различиях, то есть о том, что различны как сами предметы и явления, так и представления, понятия о них. Это вполне естественно и закономерно, поскольку различны наши образы жизни, мировоззрения, привычки, традиции, те бесконечные и разнообразные условности, которые определяют национальную культуру в широком смысле слова. Дом и house – это разные виды жилища, имеющие разную социальную и культурную структуру» [25].

В качестве подтверждения цитаты можно назвать ситуацию с общеудмуртским понятием «корка», эквивалентность которого русскому *дом* у большинства носителей удмуртского языка, кажется, не вызывает сомнения. Но в некоторых диалектных группах такое тождество не является очевидным. Так, в слободском говоре северного наречия словом *корка* обозначают деревянный дом, избу; каменные же дома, особенно городские многоэтажки, называют русским заимствованием *дом*. В среднечепецком диалекте северного наречия последнее слово зафиксировано в следующих значениях: *дом* 1. ‘дом (здание, строение, предназначенное для жилья; жилое помещение, квартира; жильё)’ 2. ‘надворная постройка, усадьба, хозяйство’ [4. С. 169].

Таким образом, для выявления своеобразия понятий удмуртского языка, с нашей точки зрения, следует вести работу в нескольких направлениях: 1) максимально тщательное исследование лексики в полевых условиях; 2) ведение лексикологических исследований на основе диалектных данных и письменных источников, в т. ч. словарей; 3) перманентное ведение лексикографической работы.

* Знаком (↔) условно обозначено невключение слушателя / группы слушателя в группу говорящего.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

букв. – буквально; *диал.* – диалектное; *к.* – кукморский диалект (говор); *обл.* – областное; *общ.* – общее (для всех наречий); *кр. юж.* – крайне-южное наречие (по словарю Борисова); *рус.* – русский язык; *св.* – северное наречие (по словарю Борисова); *сев.* – северное наречие; *спец.* – специальное (узкое) значение; *ср.* – срединное наречие (по словарю Борисова); *сред.* – срединные говоры; *тат.* – татарский язык; *удм.* – удмуртский язык; *устар.* – устарелое; *чув.* – чувашский язык; *юж., южн.* – южное наречие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безносикова Л.М., Забоева Н.К., Коснырева Р.И. Русско-коми словарь / Под ред. Л. М. Безносиковой. Сыктывкар, 2003.
2. Борисов Т.К. Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1932.
3. Гируцкий А.А. Введение в языковедение: Учеб. пособие. Мн., 2005.
4. Карпова Л.Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект. Ижевск, 2013.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
6. Максимов С.А. Удмуртский термин «кенос» как возможное заимствование болгарско-хазарской эпохи // Сакральное пространство в культуре народов Урало-Поволжья // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции: науч.-практ. журнал. 2016. № 2 (31). С. 114-120.
7. Назарова Е.В. Удмурт кыл: дышетскон книга (= Удмуртский язык: учебное пособие). Ижевск, 2012.
8. Насибуллин Р.Ш. Русско-удмуртско-татарский словарь. Казань, 2013.
9. Насибуллин Р.Ш., Максимов С.А. Краткий удмуртско-русский, русско-удмуртский словарь. Ижевск, 1995.
10. Никитина А.В. Русская традиционная культура: Учеб. пособие для иностранцев. СПб., 2002.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
12. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие. М., 2011.
13. Попова Е.В. Календарные обряды бесермян. Ижевск, 2004.
14. Попова Е.В. Культурные памятники и сакральные объекты бесермян: монография. Ижевск, 2011.
15. Русско-татарский словарь / Р.С. Газизов. Под ред. А. К. Тимергалина. Казань, 1971.
16. Русско-удмуртский словарь / Под ред. А. Бутолина. Ижевск, 1942.
17. Русско-удмуртский словарь / Сост. А.С. Белов, В.М. Вахрушев, А.П. Колесников, Н.И. Кондратьев. М., 1956.
18. Русско-чувашский словарь / Сост. Н.А. Андреев, А.И. Васильев, Н.С. Меценатов и др.; под ред. Н.К. Дмитриева. М., 1951.
19. Садиков Р.Р. Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа, 2001.
20. Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка / ред.-сост.: А.И. Кузнецова, Н.В. Сердобольская, М.Н. Усачева, О.Л. Бирюк, Р.И. Идрисов. М., 2013.
21. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин; Ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 13. Л., 1977.
22. Современный русский язык: Курс лекций / И.В. Евсеева, Т.А. Лузгина, И.А. Славкина, Ф.В. Степанова; под ред. И.А. Славкиной. Красноярск, 2007.
23. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачёва; под ред. В.А. Сорвачёвой. Сыктывкар, 1961.
24. Тараканов И.В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. Ижевск, 1993.
25. Тер-Минасова С.Г. Эквивалентность слов, понятий, реалий. URL: <https://www.kazedu.kz/referat/63014>
26. Удмуртско-русский словарь / В.М. Вахрушев, К.А. Корепанова, Е.Н. Ложкина, А.И. Малых и др. М., 1948.
27. Удмуртско-русский словарь / А.С. Белов, В.М. Вахрушев, Н.А. Скобелев, Т.И. Тепляшина; под ред. В.М. Вахрушева. М., 1983.
28. Удмуртско-русский словарь / Сост. Т.Р. Душенкова, А.В. Егоров, Л.М. Ившин и др.; Отв. ред. Л.Е. Кириллова. Ижевск, 2008.
29. Удмурты: историко-этнографические очерки / Науч. ред. В. В. Пименов. Ижевск, 1993.
30. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х т. Чебоксары, 1996. Т. 1.
31. Шкляев Г.К. Кенос // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000. С. 397.
32. Maksimov S., Danilov V., Saarinen S. Udmurttilais-suomalainen sanakirja (= Удмурт-финн кылсузъет) (Удмуртско-финский словарь). Turku, 2008.
33. Nurmi T. Uusi suomen kielen sanakirja. Jyväskylä – Helsinki, 1998.
34. Suomalais-udmurttilainen sanakirja (= Финн-удмурт кыллюкам) (Финско-удмуртский словарь) / S. Maksimov, S. Saarinen, V. Danilov, E. Seliverstova. Helsinki, 2013. 800.
35. Suomalais-venäläinen sanakirja (= Финско-русский словарь) / Tekijät I. Vahros ja A. Scherbakoff; Toim. V. Ollikainen ja I. Salo. Porvoo – Helsinki – Juva, 1998.
36. Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T.E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. LSFU XXI. Helsinki, 1987.
37. Кенос. URL: <http://informvest.ru/475-kenos.html>
38. Общий толковый словарь русского языка. URL: <http://tolkslovar.ru/k5141.html>

S.A. Maksimov

**NON-EQUIVALENCE AND INTERFERENCE OF CONCEPTS IN DIFFERENT LANGUAGES:
EVIDENCE FROM THE UDMURT AND RUSSIAN LANGUAGES**

The paper shows the discrepancy between «equivalent» words in different languages based on the contrastive analysis of Udmurt and Russian concepts, which are usually identified in bilingual dictionaries and mastered by people while learning languages. Non-equivalence of concepts in different languages is natural and logical, because our way of life, philosophy, and traditions, which determine national culture in a broad sense of the word, are different. However, the interference of concepts in the national language is influenced by the dominant language and culture: the conceptual system is gradually being rebuilt, even if no linguistic symbols (words) are being borrowed. The replacement of inclusive personal pronoun *aśmeos* 'we (with you)' by exclusive pronoun *mi* 'we (without you)' in the speech of the Udmurt youth provides a shining example of concept neutralization.

Keywords: Udmurt language, Russian language, concept, non-equivalence of concepts, interference of concepts.

Максимов Сергей Анатольевич,
кандидат филологических наук, научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: makser02@yahoo.com

Maksimov S.A.,
Candidate of Philology, Research Associate
Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences
Lomonosova st., 4, Izhevsk, Russia, 426004
E-mail: makser02@yahoo.com